

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 20-Е ГГ. XX В. И ВОПРОСЫ ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Т.А. КОРОЛЁВА

Воронежский государственный аграрный университет

e-mail: pedagog@pedagogic.vsau.ru

В статье исследуется процесс возрождения и развития сельскохозяйственной кооперации Центрального Черноземья в 20-е гг. XX столетия как самодеятельной и самоуправляемой системы. Изложена прямая зависимость возможностей восстановления кооперации, ее развертывания в разных сферах деятельности от радикальной перестройки условий и характера функционирования государственного хозяйства, использования в нем кооперативных начал и принципов. Установлено, что любое единообразие форм противоречит кооперации, которая благодаря гибкости и вследствие этого многообразия форм давала возможность полнее использовать региональные и отраслевые особенности. Выявляются основные исторические уроки, подтверждающие огромные возможности кооперации по защите и удовлетворению экономических интересов значительной части населения, а также пагубные последствия для нее любых попыток ограничения и свертывания ее деятельности.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, крестьянское хозяйство, сельскохозяйственная производственная кооперация, государственное регулирование, партийный контроль

Анализ современных направлений и форм развития сельскохозяйственной кооперации предполагает изучение позитивного и негативного исторического опыта кооперативного движения. В связи с этим вспомним, что российская кооперация в своем развитии сумела дважды – накануне установления советской власти и в 20-х гг. – выйти на первое место в мире по всем основным параметрам, но зато и дважды – в 1918-1920 гг. и в конце 20-х – начале 30-х гг. – оказалась полностью низведенной. За долгие десятилетия почти полного затухания движения в годы советской власти прервалась преемственность, были потеряны навыки и традиции кооперативной деятельности, забыты знания, убеждения и умения, необходимые для ее существования. И лишь во второй половине 80-х гг. в кооперативном движении России произошел новый всплеск. Однако адекватной социально-экономической базы для кооперации не существовало, в стране не было нормального рынка, компонентом которого кооперация является. Но, несмотря на многие изъязы и даже уродливые явления, которых не могло не быть в сложившейся ситуации, «кооперации надо отдать должное: она первой нащупывала выход из тупика и прокладывала путь к разумной системе хозяйствования... она готовила общественное мнение к пониманию того, что только свободная хозяйственная деятельность может вывести экономику страны из тупика, в какой-то мере подготавливала крах той экономической системы, в которой кооперации не оставалось места»¹.

Только сейчас, по мере расширения рыночных отношений формируется социальная среда, которой нужна кооперация, возрастает потребность в ней. Это прежде всего крестьянские фермерские хозяйства, число которых возрастает и которые все больше ощущают необходимость объединения своих усилий в обеспечении средствами производства, кредитами, сбыте продукции и т.п. Это касается и растущей армии самостоятельных производителей товаров и услуг, которым трудно будет устоять в конкурентной борьбе с соответствующими крупными структурами. Потому с возрождением подлинного кооперативного движения возникает острая необходимость в усвоении всего того ценного и непреходящего, что накоплено предшествующими участниками этого движения, особенно в 20-е гг. XX в. И дело заключается не только в том, что те годы содержат богатый опыт кооперативного движения в аграрной сфере, показывают возможное многообразие кооперативных форм, которые могут быть использованы сегодня. Анализ развития кооперации тех лет раскрывает условия, способы,

¹ Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново: ИвГУ, 1994. С. 4.

предпосылки огосударствления кооперации и одновременного ослабления и разрушения сути кооперации как социально-экономической формы.

Русская крестьянская кооперация начала XX в. представляла собой нечто весьма своеобразное: ни в какой другой стране мира мы не наблюдаем такого стремительного роста кооперативов. Достаточно сказать, что к 1917 г. в сельской местности действовало 56,6 тыс. производственных кооперативов, то есть наибольшая часть кооперативов находилась в сельском хозяйстве, в них трудилось примерно 82% населения². Таким образом, по числу кооперативов и их членов Россия занимала первое место в мире. Учитывая, что все кооперативное движение едва насчитывало к этому времени одно десятилетие, достигнутые результаты не могут не показаться грандиозными. Заметим, что удивительные успехи крестьянской кооперации в России кажутся отнюдь не согласующимися с обычным тогда (да и теперь!) представлением о русском крестьянине как общественном элементе, не проявлявшем больших способностей к самодеятельности и социальному творчеству.

Однако вскоре после октябрьского переворота 1917 г. картина резко изменилась. Состояние народного хозяйства первых лет Советской власти находилось на грани катастрофы: хозяйственная разруха, прямое разрушение средств производства в ходе гражданской войны, убыль рабочей силы и, как следствие, разорванность экономических связей. Сокращение более чем на треть рабочего скота не могло не отразиться на технике полеводства, уменьшении посевных площадей, что было не единственной, но одной из главных причин. Посевная площадь Черноземного центра России в 1920 г. под главнейшими сельскохозяйственными культурами была на треть меньше по сравнению с 1913 г. В Курской губернии с 1916 г. по 1921 г. она сократилась на 477,1 тыс. десятин или на 27,8%³, в Воронежской губернии по отчетам губземуправления вплоть до 1925 г. указывалось сокращение посевных площадей до 38,8%⁴. Выводы плачевны: валовой сбор продуктов полеводства, например, по Воронежской губернии на начало 20-х гг. составлял лишь 35 млн. пудов, то есть почти в 5 раз меньше против 168 млн. пудов в 1916 г.⁵ В целом же в Центральном Черноземье, как и по всей России, сокращение посевных площадей и одновременно резкое падение урожаев привело к тому, что производство земледельческой продукции в 1920 г. составило меньше половины довоенного уровня⁶. Таким образом, говорить о каком-либо развитии рынка сельскохозяйственных продуктов, средств производства и потребительских товаров едва ли возможно. Отсюда следует: объективная экономическая ситуация независимо от проводимого правительством курса сложилась таковой, что для крестьянской кооперации не было реальной почвы. Крестьянское хозяйство не могло испытывать в этих условиях потребности в объединении сбыта и закупок – их просто не было. «Отсутствие рынка и галопирующая инфляция делали бессмысленными кредитные крестьянские товарищества. Еще меньше оснований существовало для различных видов производственной и агрикультурной кооперативной деятельности», – оценивает состояние сельскохозяйственной кооперации Е. В. Серова⁷.

Не понимая жизненной необходимости кооперативных принципов, готовое ими пожертвовать во имя социалистических идеалов, молодое правительство, однако понимало необходимость использования опыта работы кооперативных организаций. В связи с этим для достижения взаимоприемлемого соглашения были проведены переговоры с руководящими деятелями кооперации. В итоге был выработан и принят СНК 12 апреля 1918 г. компромиссный декрет «О потребительских кооперативных организациях»⁸. Что же касается сельскохозяйственной кооперации, то по отношению к ней специальных декретов не принималось. Дело ограничилось лишь циркулярным указанием руководствоваться декретом от 12 апреля 1918 г. В телеграмме Совнархоза за подписью А. М. Рыкова от 26 апреля руководству Тамбовской губернии, в частности, говорилось: «Предлагаем самочинно не принимать никаких мер относительно кооперативных обществ. Строго руководитесь декретом 12 апреля с. г. Отмените все несогласные с декретом постановления.

² Хрестоматия по истории СССР 1861-1917 гг. М., 1990. С. 358.

³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3723. Л. 42.

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-19. Оп. 46. Д. 25. Л. 1 об.

⁵ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 46. Д. 38. Л. 27 об.

⁶ Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. М., 1960. С. 29.

⁷ Серова Е. В. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1991. С. 62.

⁸ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 91-92.

Ждите инструкций»⁹. Таким образом, государство заняло чисто нейтральное отношение к сельскохозяйственной кооперации. Такое положение способствовало, может быть, не столько ее развитию и организационному оформлению, сколько сохранению.

Ввиду того, что самым распространенным видом была кредитная кооперация, есть смысл, в первую очередь, обратить внимание на нее. Имеющиеся сведения по кредитной кооперации в Тамбовской губернии, говорят, несмотря ни на что, о росте первичных кооперативов: количество ссудо-сберегательных товариществ здесь с 59 в 1915 г. выросло до 63 в 1920 г.; кредитных соответственно с 276 до 313, то есть в среднем каждый год образовывалось по 8 кредитных кооперативов¹⁰. Помимо кредитных в эти годы численно росли и другие виды сельскохозяйственных объединений. Число товариществ (общих и специальных) с 15 в 1915 г. к 1921 г. выросло до 140¹¹. Жила и развивалась кооперация в Орловской губернии, о чем свидетельствует тот факт, что всего за два года (1918–1920 гг.) произошел значительный рост сельскохозяйственных обществ (с 15 до 85)¹².

Особое внимание хотелось бы обратить на развитие кооперации в Курской губернии. Здесь всегда наблюдалось отставание от общего хода общероссийского кооперативного строительства. Объективным условием было особое сочетание общественно-политических сил, характерных для губернии в дореволюционное время. «Фактическая диктатура Марковых и Муратовых исключала возможность проявления активной кооперативной инициативы, - говорилось в справке губземуправления от 10 февраля 1920 г. – Курск – родина исторического указа, который воспрещал кредитным обществам выписывать «Русское слово», «Ведомости» и другие «крамольные газеты». Слово «союз» вообще не терпелось в обращении и, если проводились какие-то работы, то под видом объединений». Тем не менее, первый в губернии Союз кредитных товариществ «утвержденный за несколько минут до февральской революции, то есть 21 января 1917 г.», начал действовать с апреля 1917 г. и существовал до 1920 г. В том же документе имеются данные на начало 1920 г. о 422 различных сельскохозяйственных кооперативах в губернии, в том числе: сельскохозяйственных товариществ – 176, кустарно-промысловых – 180, пчеловодных товариществ – 1, свеклосеменных – 11, молочных артелей – 24, садово-огородных – 30¹³.

Преимущественным видом кооперации, как и повсеместно, в Воронежской губернии была кредитная кооперация. К началу 1917 г. эта область крестьянской деятельности имела хорошо отлаженную структуру и оказывала значительное влияние на развитие воронежской деревни. Активную работу вело около двухсот кредитных кооперативов, 150 из которых состояло членами Губернского Союза кредитной кооперации. Даже в условиях «оскудения» края успехи ее были поразительными. Общий баланс кредитной кооперации Воронежской губернии выражался суммой в 14844438 руб. (почти 15 млн.!), причем свыше 11 млн. руб. в ней составляли вклады крестьянских хозяйств¹⁴. Однако гражданская война привела крестьянскую кооперацию Воронежской губернии к самому незавидному положению. Оставшиеся из 71 сельскохозяйственного общества, возникших еще до революции, только пять обществ могли вести хозяйственную деятельность; остальные – «большой частью разграблены, конфискованы и в общем уничтожены или распались сами, потеряв цель своего существования»¹⁵. Но и мизерным остаткам крестьянской кооперации придавалось большое значение. «Деятельность указанных обществ при надлежащей поддержке и реорганизации на кооперативных началах будет иметь некоторое значение в организации крестьянского производства», - говорилось в докладе губземотдела Воронежской губернии о проведении в жизнь резолюции агрономического съезда 27 мая 1919 г. по поводу принятия мер и выяснения условий, благоприятствующих развитию сельскохозяйственной кооперации в губернии¹⁶.

⁹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 408. Л. 2.

¹⁰ Курапова М.Д. Кредитная кооперация в Тамбовской губернии // Бюллетень Тамбовского губстатбюро. Тамбов, 1924. № 5. С. 97.

¹¹ Состояние кооперации // Бюллетень Тамбовского губстатбюро. Тамбов, 1924. № 3. С. 80.

¹² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 372. ЛЛ. 59 об., 60.

¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 39. Л. 86 об., 87.

¹⁴ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 46. Д. 38. Л. 34 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

¹⁶ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 463. Л. 36 об.

Как следует из вышеизложенного, благотворное влияние компромиссных компонентов декрета от 12 апреля 1918 г. и работа на местах способствовали сохранению и развитию сельскохозяйственной кооперации Центрального Черноземья в целом. Это, в свою очередь, требовало организационного оформления координирующих центров. Сравнительно в небольшие сроки были реорганизованы уже существовавшие и появились новые крупнорайонные и губернские союзы. К 1920 г. здесь работало уже 26 союзов, которые обслуживали свыше 145 тыс. членов кооперативов¹⁷. Если образование данной структуры шло, отчасти, на базе организованных еще до революции союзов, то всероссийские центры возникли в максимально короткие сроки. В течение второй половины 1918 г. в июле-августе образовались Всероссийский союз по переработке и сбыту картофеля, Центральное товарищество пловодов и огородников, Кооперативный союз коноплеводов и пеньководов, Союз по сбыту зерновых продуктов; в ноябре возник Всероссийский союз по заготовке продукции птицеводства, в декабре – Всероссийский союз по сбыту сельскохозяйственной продукции и снабжению сельского хозяйства орудиями производства. Завершает процесс организационного оформления сельскохозяйственной кооперации образование координирующего, идейно-теоретического и методического центра – Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет). Вместе с возникшими до революции, в 1907 г., Сибирским союзом маслодельных артелей (ССМА), в 1912 г. – Центральным товариществом льноводов (ЦТЛ) и в 1912 г. – Московским Народным банком (МНБ) они составили стройную систему, способную оптимально содействовать удовлетворению разносторонних потребностей крестьянских кооперативов и их союзов.

С принятием декрета от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций»¹⁸ этой системе пришел конец. Принимая такое решение, правительство, продолжало курс на «поголовный» охват кооперативами всего населения и сближение всех видов кооперации при усилении пролетарского влияния в кооперативах. Предписывалось объединение кредитных товариществ и ссудо-сберегательных кооперативов и их союзов с потребительскими обществами. Был ликвидирован Совет Кооперативных Съездов. Согласно инструкции «О порядке передачи имущества и распределительного аппарата кооперативных организаций и продорганов рабоче-крестьянским потребительским обществам и союзам» их функции, имущество и капиталы подлежало передать Всероссийскому центральному союзу потребительских обществ и Губсоюзам¹⁹. Реализация всех этих перестроек затягивалась. В итоге кооперация лишилась работоспособных, эффективно действовавших центров и союзов, в то время как создаваемая новая структура комплектовала свой аппарат и выясняла, чем же она будет заниматься. В этом отношении показательно письмо председателя правления Курского Губсоюза С.Г. Гуляева в Кооперативный отдел Губпродкома от 23 сентября 1920 г. (Заметим, что с начала реорганизации прошло уже почти 8 месяцев). «За период моего пребывания в Губсоюзе я все время следил за ходом деятельности двух параллельных организаций – Губпродкома и Губсоюза – и пришел к выводу, что в обеих организациях производится почти однородная работа», – пишет С.Г. Гуляев. Далее он предлагает «разграничить между ними техническую деятельность», ликвидировать «излишнюю волокиту», «послать излишнего работника на другую работу, где он принес бы больше пользы» и другое²⁰.

Ликвидация сельскохозяйственной кооперации как самостоятельной системы продолжалась в течение всего года. Ее союзы вливались в соответствующие союзы потребительской кооперации на правах автономных секций. Однако первичные кооперативы могли организовываться добровольно, действовать самостоятельно, но обязательно входили в союзы потребительских обществ, подчиняясь помимо них еще и совнархозам и земотделам. Во многих местах начался распад кооперативных объединений, замирала всякая кооперативная деятельность. Крестьянство не могло мириться с таким положением. На беспартийных конференциях, проходящих в марте 1920 г. в Курской губернии, во всех уездах в повестку дня включались вопросы о кооперации и сельскохозяйственных союзах. Выступая перед делегатами конференции Путивльского уезда, Клименченко вы-

¹⁷ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 5. Д. 18. Л. 19-19 об.

¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974. С. 147-149.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Курской области (ЦДНИКО). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 103. Л.

²⁰ Там же. Д. 114. ЛЛ. 76-77.

сказал опасения, что «если подходить к переустройству кооперации – это является слишком круто. В противном случае кооперация, которая обслуживала массу населения, замрет»²¹. Еще более резкая позиция высказывалась в Воронежской губернии, где одной из причин «плачевного» состояния крестьянской кооперации называлась политика государства «отбившая всякую охоту у крестьян объединяться в какие-либо виды кооперативных организаций из-за страха всевозможных реквизиций, бесчинств и других посягательств на самостоятельные крестьянские организации»²².

В качестве общей оценки данных преобразований обратимся к статье А.В. Чаянова «Государственный коллективизм и крестьянская кооперация». Она была помещена в последнем номере журнала «Кооперативная Жизнь», который после опубликования текстов декретов о реорганизации кооперации заявил о своем закрытии. Чаянов недоумевал и негодовал, что такое можно сделать с миллионами крестьянских хозяйств, протестовал против огосударствления кооперации «кооперация есть крестьянская самодеятельность, многообразно проявляемая в формах, вытекающих из ее внутренней природы, и работающая свойственными ей методами... Крестьянская кооперация лишена головы и втянута в Прокрустово ложе Главков и Центров, мертва есть, и конвульсии, ее сотрясающие, нельзя принимать за жизнь»²³.

Отношение к кооперации изменилось в годы нэпа с появлением «руководящих указаний», которые могут быть названы, выражаясь современным языком, рыночными: декретов ВЦИК и СНК от 7 июля «О промысловой кооперации» и от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации». Эти узаконения провозглашали отделение сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации от потребительской, их полную независимость и, следовательно, право на создание самостоятельных кооперативных систем²⁴.

Обращаясь к опыту быстрого возрождения и развития кооперации в 20-е гг., следует иметь в виду, что стимулами кооперирования на протяжении этих лет оставались материальная заинтересованность, эффективная хозяйственная деятельность. Кооперация, учитывая местные социально-экономические условия, создавала на их базе соответствующие кооперативные первичные хозяйственные формы, и потому не могла быть представлена, по мнению А.В. Чаянова, «единым всеобъемлющим типом организации». Реальную картину многообразия кооперативных форм в сельской местности Центрально-Черноземья отражают следующие данные (по состоянию на ноябрь 1923 г.): сельскохозяйственных товариществ насчитывалось 542 численностью 17950 чел., сельскохозяйственных товариществ с кредитными функциями 176 (10981 чел.), кредитных - 230 (28199 чел.), производственных - 472 (12726 чел.). Всего действовало 1702 объединения с числом членов 86443 чел.²⁵

Организационное строительство кооперативов, осуществлявшееся в разнообразных формах, жестко не регламентировалось и к 1925 г. по стране насчитывалось уже более 40 видов действительно существовавших кооперативных организаций²⁶, в Центральном Черноземье – свыше 25²⁷, тогда как алфавитный реестр кооперативов и их объединений по их предметным наименованиям к 1929 г. насчитывал уже более 130 наименований²⁸. Расхождение между реальными цифрами и официальной классификацией можно вполне определенно объяснить ссылкой на А.В. Чаянова, который дает, как сам утверждал «...непривычную для кооперативной мысли классификацию», притом отмечая, что

²¹ Там же. Д. 104. Л. 24.

²² ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 463. Л. 37.

²³ Чаянов А. Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооперативная жизнь. 1920. №1-2. С. 12.

²⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 53. Ст. 322; № 61. Ст. 434.

²⁵ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 5. Д. 57. ЛЛ. 2-2об.; 8-8 об., 13 об.; 18 об.; 19.

²⁶ Каминский Г.Н. Задачи сельскохозяйственной кооперации по коллективизации сельского хозяйства. М.: Центросоюз, 1928. С. 22.

²⁷ Центрально - Черноземная область. Справочная книга / Под ред. В. Алексеева, Е. Малаховского, А. Швера. Воронеж: Коммуна, 1929. С.169.

²⁸ Диброва А.П. Классификация сельскохозяйственной кооперации. М.: Книгосоюз, 1929. 62 с.

«многих видов в действительности не существует. Они еще не открыты практикой подобно элементам в таблице Менделеева»²⁹.

К лету 1925 г. кооперирование крестьянских хозяйств достигло в России значительного уровня: в среднем 22,5% от общего числа хозяйств входило в кооперативные объединения. Однако процент кооперирования в разных регионах страны в значительной степени разнился. Чтобы оценить реальную картину кооперирования в Центральном Черноземье, сравним показатели некоторых регионов (по состоянию на 1.07.1925 г.). В Сибири было кооперировано 41,5% хозяйств, на Урале – 28,6%, в Черноземье – лишь 16,3% (10-е место среди 15 регионов)³⁰. Более того, и в самих губерниях Центрального Черноземья положение было неодинаковым. Так, в Тамбовской губернии уровень кооперирования составлял 19,3%, тогда, как в Курской – всего лишь 10,6%³¹. Зная историческую картину дореволюционной «деградации» края, разруху и обнищание деревни, вызванные гражданской войной, голод 1921 г. – положение весьма объяснимо.

В целом новая экономическая политика, дав крестьянину широкую самостоятельность, позволила развить такие темпы кооперации, каких не видела ни одна страна мира. Достаточно сказать, что в последующие три года сельскохозяйственная кооперация вовлекла в свой состав 35,7% крестьянских хозяйств; в районах развития молочной кооперации это число достигло 40-97%, картофельной – 57-77%, табаководной и свеклосеменной – 80%, семеноводческой – 50-80%³², в Центральном Черноземье было кооперировано 35%³³. Получившая в декретах лета 1921 г. правовое обеспечение, кооперация как в целом по стране, так и в Центральном Черноземье, подтверждала возможность нормальной деятельности в рамках принятых решений.

Объективный процесс возрождения крестьянской кооперации – самостоятельной, четко очерченной личностными и функциональными рамками структуры общества, а главное, самоуправляемой системы – уже нельзя было затормозить. Однако в ходе воссоздания с самого начала стали деформироваться те ее элементы, которые составляли основу рыночных отношений. Это и не скрывалось. В официальных документах открыто провозглашалось, что цель кооперации – «высвободить» крестьян из системы рыночных отношений и вовлечь в систему «планового регулирования»³⁴. Но такого рода отступление от кооперативных норм не приобрело еще необратимого характера и существенно не повлияло на поступательное развитие кооперации.

Главная же опасность состояла в том, что наряду с системой государственных финансовых рычагов управления кооперацией над ней нависла система партийного контроля. «Завоевание» кооперации началось сверху. Сразу же после обнародования «руководящих указаний» (декрета 16 августа «О сельскохозяйственной кооперации») 20 августа 1921 г. Учредительный съезд уполномоченных союзов сельскохозяйственной кооперации принял решение о воссоздании Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации – Сельскосоюза. Чтобы не выпустить рычаги управления центром кооперации ЦК РКП (б) стал оказывать неприкрытое давление на делегатов с целью ввести в его состав представителей Наркомзема. Кооператорам удалось в ходе стойкого сопротивления отсрочить зависимость Сельскосоюза от партийно-государственных структур, поскольку всего лишь два представителя Наркомзема было введено и то не в правление из 9 чел., а в Совет – наблюдательный орган из 17 чел.³⁵ Такая попытка внедрения партийцев в руководящие центры могла быть продиктована, на первый взгляд, необходимостью наблюдения за общей стратегией кооперативного движения.

²⁹ Чайнов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927. С. 53-54.

³⁰ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 5. Д. 57. ЛЛ. 16-16 об., 17.

³¹ Там же. Л. 17 об.

³² Вся кооперация СССР. Справочник-ежегодник для кооператоров и хозяйственников / Под ред. Д. Бейка. М.: Кооперативная жизнь, 1928. С. 306.

³³ Центрально-Черноземная область... С. 169.

³⁴ Беленький М. Очередные задачи сельскохозяйственной кооперации (К постановлениям ЦК ВКП (б) о сельхозкооперации и сельхозкредите) // Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1926. № 17/18. С. 4.

³⁵ Файн Л.Е. Отечественная кооперация... С. 199-201.

Однако вскоре начинается переход к установлению жесткого контроля над всей кооперацией – от всероссийских центров до первичных организаций, глобально «овладению» всей кооперацией, «внедрению» в нее «партийных сил», устранению из ее органов неугодных этим силам лиц. Политбюро ЦК РКП (б) создает в ноябре комиссию по партийной работе в кооперации, которая фактически стала предрешать все вопросы кооперативного движения. И, отчасти, поэтому уже на следующем съезде в октябре 1922 г. среди делегатов было 40% коммунистов (против 3% на предшествующем). В итоге в правление Сельскохозяйственного союза из 10 членов избрано 4 коммуниста, в Совет из 27–12³⁶.

Проводниками тактики «овладения» кооперацией на местах стали коммунистические фракции, специальные комиссии по «плановому пересмотру» состава кооперативных кадров. Насколько эффективным было массированное «внедрение» партийных сил проследим на примере сельскохозяйственной кооперации Центрального Черноземья. Наиболее сложной и напряженной была борьба за укрепление позиций партии в кооперации Воронежской губернии. Это объясняется наличием сильных кадров «старых кооператоров». На состоявшемся в мае 1921 г. съезде уполномоченных сельскохозяйственной кооперации лишь 32 из 190 делегатов поддержали коммунистов по вопросам развития кооперации³⁷. Уже летом 1921 г. в Центральном Черноземье (за исключением Тамбовской губернии) были образованы союзы сельскохозяйственной кооперации. Кстати сказать, как и в случае с Сельскохозяйственным союзом, первая попытка Воронежского губкома РКП (б) участвовать в формировании губернского центра сельскохозяйственной кооперации в июле 1921 г. оказалась безуспешной (представители губкома вынуждены были покинуть собрание). И только после длительных переговоров трех членов РКП (б) удалось ввести в правление³⁸. Не отличились на начальном этапе «овладения» кооперацией и другие губернии Черноземья. Так, в Орле губернский центр сельскохозяйственной кооперации принял лишь двух коммунистов³⁹.

Укреплению партийного влияния в сельскохозяйственной кооперации способствовало включение в ее систему производственной кооперации на основании декрета ВЦИК И СНК 17 ноября 1921 г. О том, как изменился состав органов управления сельскохозяйственной кооперации после возникновения единых губернских союзов, можно судить по данным таблицы⁴⁰.

Таблица

**Состав органов управления сельскохозяйственной кооперации
Центрального Черноземья**

Губернии	Время возникновения единого союза	Состав правлений губсоюза (человек)			Состав правлений по губернии (человек)		
		всего	членов РКП(б)	% членов РКП(б)	всего	членов РКП(б)	% членов РКП(б)
Воронежская	август 1922 г.	9	3	33,3	1266	253	19,9
Курская	июль 1922 г.	7	4	57,1	2765	215	7,8
Орловская	февраль 1923 г.	7	3	42,8	нет данных		
Тамбовская	январь 1923 г.	7	3	42,8	2400	192	8,0

Как видно из таблицы, процент членов партии в губернских органах был значительно выше, чем в периферийных органах управления крестьянской кооперацией. Но вскоре вместе с увеличением числа коммун и артелей, которым придавалось особое значение, естественно, произошел приток коммунистов и в низовую сеть кооперативов. Но, как они сами признавались, например, в докладе фракции коммунистов Курского губсоюза губкому, что «всякий коммунист считал использовать себя более целесообразно на советской или партийной работе и в кооперацию боль-

³⁶ РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

³⁷ Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 45.

³⁸ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 616. ЛЛ. 26-27.

³⁹ Центр документации новейшей истории Орловской области (ЦДННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 136.

⁴⁰ Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 57. Л. 282; Д. 488. Л. 6, 52; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 833. Л. 61, 64; Д. 840. Л. 34; ЦДННО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2140. Л. 41; Д. 2143. Л. 34; Курская правда. 1923. № 159 (1064).

шей частью отдавались силы более посредственные»⁴¹. Но это, видимо, нисколько не смущало руководящую партию. Как и то, что, одной из форм «внедрения» нужных кадров стали периодически проводившиеся партийные мобилизации. Так, в результате одной из них, объявленной по решению оргбюро ЦК в 1924 г., в кооперацию было направлено свыше полутора тысяч «назначенцев», среди которых почти половину составляли рабочие⁴². Возникает вопрос, в состоянии ли они были компетентно руководить крестьянской кооперацией?

Результаты целенаправленной работы очень скоро сказались на составе руководящих органов всех звеньев кооперации вплоть до первичных объединений. Уже в 1925 г. среди членов районных правлений в Тамбовской губернии 55% партийных, в правлениях первичных объединений Воронежской губернии – 21%, Орловской – 20%⁴³. Можно ли удивляться, что за столь небольшой период в сельскохозяйственной кооперации, к которой большевики всегда относились с пренебрежением и недоверием, могло вырасти такое количество кадров-коммунистов, успевших завоевать «деловое доверие» и сосредоточить ключевые позиции в органах управления кооперацией. О том, как сказало это управление кооперацией, хорошо известно, и потому легко ответить на вопрос: почему после вмешательства государства эта могучая крестьянская организация также стремительно, как и родилась, погибла.

В целом вывод можно сделать весьма определенный. Мнение громадного числа авторов на всем протяжении изучения проблемы кооперативного движения сводится к одному: это движение сугубо социальное, самодеятельное. Но количество государственных и партийных постановлений, касающихся государственной регламентации кооперативного движения говорит само за себя. По изданию Центросоюза «Действующее кооперативное законодательство» (1927 г.) прослежено: за десять лет по общим вопросам кооперации принято 21 постановление, конкретно о сельскохозяйственной кооперации – 13, о специальных видах – 20, об уставных нормах кооперативов – 13, о налогах – 14 и так далее, то есть всего более 100 постановлений⁴⁴. Какая уж тут самодеятельность и самостоятельность! Очевидно, что чем больше крестьянская кооперация «регулируется» административно, втискивается в рамки плана-заказа, подвергается замещению органических своих связей механическими, тем быстрее она начинает деградировать и в перспективе – умирать.

THE HISTORY OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION AGRICULTURAL COOPERATION IN THE 20s OF THE XXth CENTURY AND ITS STATE REGULATION PROBLEMS

In this article the process of revival and development of the Central Black Soil Region agricultural cooperation as independently employed and self-regulating system in 1920s is studied. The direct dependence of the cooperation recovery possibilities, its development in different fields of activities from radical perestrojka conditions and method of the state economy functioning based on cooperative principles is described. It is established that any forms uniformity contradicts the cooperation which due to its flexibility and forms diversity gave an opportunity to use regional and sectoral features more completely. The main historical lessons confirming a great cooperation's potential to protect and satisfy economic interests of the considerable part of the population as well as the harmful consequences of any attempts to limit and cut down its activities are revealed.

T.A. KOROLEVA

Voronezh State Agricultural University

e-mail:
pedagog@pedagogic.vsaui.ru

Key words: Central Black Soil Region, peasant economy, agricultural production cooperation, state regulation, party control.

⁴¹ ЦДНИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 249. Л. 146.

⁴² Файн Л. Е. Отечественная кооперация... С.218.

⁴³ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 2140. Л. 41; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1315. Л. 24; ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1394. Л. 68.

⁴⁴ Бердичевский Н. Г. Действующее кооперативное законодательство: Систематический хронологический и предметный указатель законов о кооперации. Вып. 2. М., 1927. 208 с.